

Дядя Динамит

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Первый из дневных поездов начал свой ленивый бег по небольшой ветке, которая отходит от Уокли, чтобы доставить пассажиров в Эгмарш-Сэнт-Джон, Эшенден-Окшот, Бишопз-Икенхем и другие сонные селенья, испещряющие южную часть Англии.

Кряжистые дети природы не собирались обогащать сверх меры железнодорожную компанию, а потому большей частью ехали в третьем классе, оставляя первый класс беспечным аристократам, на сей раз — молодому пассажиру с открытым, добрым, но очень загорелым лицом и человеку лет на тридцать старше, высокому, изысканному, бодрому той бодростью, какую дает насыщенность каждой минуты. Глаза у него были яркие, усы — седые, красивые, шляпа — немного набекрень. Сигару он держал словно знамя.

Первые минут десять царило приличное молчание. Потом молодой человек, бросавший взгляды на своего спутника, покашлял и сказал: «Э-э».

Спутник с любопытством взглянул на него. Молодой человек покраснел, он вообще был застенчив, да и думал уже, что зря затеял разговор.

— Простите, — сказал он тем не менее, — вы не лорд Икенхем?

— Он самый.

— Вот здорово!

Спутник его удивился.

— Я и сам этому рад, — признался он. — А вы почему радуетесь?

— Ну, это... — ответил младший, думая о том, какой был бы ужас, если бы он ошибся. — Понимаете, я с вами знаком... Был. Давно. Дружил с вашим племянником. Знаете — Мартышка? Ездил к вам играть в теннис. Вы мне дали пять шиллингов.

— Так деньги и уходят...

— Наверное, вы меня не помните. Я Билл Окшот.

— Что вы, что вы, мой дорогой! Как не помнить! — сердечно соврал лорд Икенхем. — Хотел бы я получать десять фунтов всякий раз, когда говорил жене: «Что там с нашим Биллом?»

— Нет, правда? — обрадовался Билл. — Вот здорово! Как поживает леди Икенхем?

— Спасибо, хорошо.

— Вот здорово! Она мне дала полкроны.

— Женщины бережливее мужчин. Что поделаешь, структура черепа! Да, моя дорогая жена — в превосходном состоянии. Я только что проводил ее. Уплыла в Вест-Индию.

— На Ямайку?

— Нет, по собственной воле.

Молодой человек помолчал, чуть не сказал «Здорово», но передумал и спросил о Мартышке.

— Мартышка, — ответил лорд Икенхем, — в прекраснейшей форме. Попирает мир. Можно сказать смело, что Моав — его умывальная чаша и на что-то такое он поставил сапог свой. Получил солидное наследство от крестного из Америки, больше не боится портных. Скоро женится.

— Это здорово.

— Да, — согласился лорд Икенхем, восхищенный такой гибкостью стиля. — Он и сам доволен, а вот я — не очень. Быть может, вы заметили, Билл Окшот, что полного счастья не бывает. Одному — хорошо, другому — хуже. Скажем, А скачет от восторга, а Б хмурится, не говоря об Иксе и Игреке. Так и здесь. Я надеялся, что он изберет мою подопечную. Выросла на моих глазах, стала прелестной барышней, все есть — красота, очарование, характер и, кстати, ум, которого хватит на двоих. С Реджинальдом, иначе — Мартыш-

кой, это необходимо. Так нет же! Однако посмотрим на светлую сторону. Посмотрим?

— Пожалуйста.

— Прекрасно. Итак, смотрим. Новую барышню я не видел, но вроде бы она ничего. А то этот лоботряс еще привел бы крашеную блондинку. Вероятно, вы помните, как склонен он к влюбленности?

— Мы не виделись с детства.

— Он и тогда порхал как мотылек. Дон Жуан танц-класса, Ловелас в костюме Фаунтлероя.

— Теперь он... э... изменится.

— Надеюсь. С другой стороны, возьмем леопарда. Может он измениться? А эфиоп? То-то и оно. Кстати, об эфиопах. Вас коптили?

Билл смущенно улыбнулся:

— Загорел, да? Я был в Бразилии. Еду домой.

— Вы из этих мест?

— Да, из Эшендена.

— Женаты?

— Нет. Я живу у дяди. То есть он живет у меня.

— В чем разница?

— Понимаете, дом — мой. Дядя его... э... опекает. Мне было шестнадцать лет, когда отец умер. Вот дядя и приехал, так и живет, распоряжается. Посмотреть на него, — припомнил Билл свои обиды, — он один хозяин. Лучшую комнату отвел под свой музей!

— У него музей?

— Да, африканские штуки. Да что там! Кто занял лучшую спальню? Я? Нет, дядя Эйлмер. Кто первым читает газету? Я? Нет, дядя Эйлмер. Кому достается яйцо без жидкого белка?

— Постойте, угадаю. Дяде Эйлмеру?

— Именно!

Лорд Икенхем погладил усы.

— Что-то подсказывает мне, — заметил он, — что дядя Эйлмер надоел вам. Я прав?

— Да.

— Почему же его не выгнать?

— Ну как это... — растерянно сказал Билл, копя пол огромной ногой. — Разве можно?..

— А что, нельзя?

— Ну, трудно.

— Так-так...

Лорд Икенхем догадался, что затронул большую тему, и деликатно отступил. Он вернулся к кроссворду, Билл Окшот стал смотреть на убегающие пейзажи.

Однако видел он не их, а прекрасное лицо Гермiony. Оно сияло перед ним, обещая, что скоро он узрит его не только взором воображения. Здесь, в Англии, можно смотреть в ее глаза, любоваться ее профилем...

Любоваться — и все? Или после Бразилии он решится сказать ей, что любит ее девять лет подряд? Может быть, но вряд ли.

Размышления эти прервал сосед, тронув его колено.

— Сейчас ваша станция, — напомнил лорд Икенхем. — Эшенден-Окшот.

— А? Да-да. Моя станция, — согласился Билл, встал и взял свои вещи. Но тут же вскрикнул, как бы не в силах поверить своим глазам, хотя они не лгали.

Обычно эта станция не очищает душу ни жалостью, ни страхом. Видеть тут нечего, кроме бакенбардов начальника, которые явно выросли в теплице; разве что вы уж очень тонки, и вас тронет то, как управляется хрупкий носильщик с тяжелыми бидонами. Так и тянет назвать станцию тихой.

Сегодня бы к этому не тянуло. От автомата в одном конце до навеса, под которым хранились метлы и ведра, стояли люди, человек сорок. Двое самых сильных и терпеливых держали плакат, на котором любящая рука начертала:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МИСТЕР УИЛЛЬМ!

Кроме того, тут были оркестр, полисмен, священник, бойскауты, сельские жители, что-то вроде младшего класса воскресной школы (с цветами) и величественный седоусый человек, руководивший всем этим.

Билл Окшот стоял у окна, словно герой сказки, зачарованный колдуном, и так явственно страдал, что спутник его все понял.

Перед ним, догадался он, застенчивый юноша, который бежит мирской славы, — а кто-то почему-то устроил ему пышную встречу. Естественно, он выглядит как загнанный лось.

Сам граф мирскую славу любил. Если бы его встречали бойскауты и оркестр, он не сплеховал бы и начал кланяться раньше, чем остановится поезд. Однако новый приятель другого склада, и надо ему помочь.

Добрый лорд предпочитал дела, а потому не ограничился сочувствием.

— Лезьте под сиденье, — сказал он.

Голос его показался Биллу гласом с неба, словно ангел-хранитель в час беды дал дельный совет. Нырнув под сиденье, он подождал, пока поезд не двинется снова. Когда же он вылез, отряхивая ладони, он увидел, что спутник с восторгом смотрит на него.

— Редкая ловкость, — сказал растроганный граф. — Дрессированный тюлень и то медленней ныряет за рыбкой. Тренировались? Нет? Поразительно! В жизни не видел такой опупелой толпы. Так и кажется, что стадо волков не обнаружилось в саях русского крестьянина. Тяжело, ничего не скажешь. Волкам, конечно.

Билл Окшот еще дрожал, лепеча слова благодарности.

— Не за что, не за что, — отвечал лорд Икенхем. — Какой пустяк! Сладость и свет, вот мой девиз.

— Я никогда этого не забуду, — серьезно сказал его спутник. — Поймите, пришлось бы говорить речь, а может, и целовать этих гнусных деток! — Он вздрогнул. — Вы их видели? Миллион голов, и все с букетами.

— Видел, как не видеть! И понял, что со времени нашего знакомства вы заметно прославились. Деток с цветами соберут не для всякого. Вот я настоящий граф, не кто-нибудь, — а где цветы, где детки? Да... Чем же вы прославились, Билл Окшот?

— Так, знаете...

— Не крутите. Они встречали вас. Кому еще напишут «Мистер Уильям»?

— Да, конечно.

— Это ваш дядя, с усами? Такой важный?

— Дядя.

— Итак, поройтесь в памяти. Что сделали вы достойного букетов и бойскаутов?

— На Амазонку вот ездил...

— Так-так-так. Экспедиция. Я сразу не понял. Думал, вы были в Бразилии по делу, скажем — орехи какие-нибудь. А почему вас туда понесло? Хотели забыть прекрасную деву?

Билл покраснел. И впрямь, он уехал от безнадежной любви, как оказалось — напрасно.

— В общем, да, — ответил он.

— Почему именно Бразилия? В мое время предпочитали Скалистые горы, там можно охотиться на медведей.

— Прочитал в газете, что майор Планк набирает людей. Пошел, записался.

— Так... Жаль, не знал. Я бы хвастался давней дружбой. Что ж, сейчас мы приедем в Бишопз-Икенхем. Вернетесь обратно? Или поедем ко мне, выпьем, и я вас отправлю на машине?

— Я вам не помешаю?

— Что вы, что вы! Очень рад. Итак, решено. Теперь подумаем, что сказать дяде.

Билл сосредоточился и заморгал, словно его схватил за ногу бразильский аллигатор.

— Тут нужна хорошая, связная история, — продолжал граф. — Судя по виду, он человек опасный: укусит — умрешь. Кем он был? Кулачным бойцом?

— Губернатором в одной колонии.

— Тогда нам придется нелегко. Я этих губернаторов знаю, серьезные люди. Кстати, как его зовут?

— Босток. Сэр Эйлмер Босток.

— Что? Быть не может!

— Вы его знаете?

— Сорок лет не видел, а то и побольше. Когда-то знал хорошо. Мы вместе учились.

— Правда?

— Еще бы! Он на три года младше меня. Звали его Балбесом. Неприятный был мальчик, наглый, никакого почтения к старшим. Именно за это я дал ему шесть раз по заду крикетной битой, надеясь его исправить. Да, теперь мне

многое понятно. Балбес, как известно из газет, собирается войти в парламент и хочет примазаться к вашей славе. Кто не рад опереться на людей, расширивших пределы цивилизации!

— Я не расширял.

— Чепуха! Растянули как резинку. Но мы отвлеклись, надо придумать убедительную повесть. Что, если сказать так: жара, задремал, проехал станцию?

— Здорово!

— Правда? Мне и самому нравится. Главное, просто. И возразить нечего. Да, это лучше всего. Значит, юный Балбес стал губернатором!.. Никогда бы не поверил. Кто бы мог подумать!

— Сколько вы его не видели?

— Сорок два года будет тридцать первого июля. А что?

— Странно, так близко живете...

— Что ж, Билл Окшот, я вам все открою. Я не общаюсь с соседями. Жена вечно пытается выгнать меня на всякие приемы и рауты, но я неумолим. Часто мне кажется, что для идеальной жизни нужны табак и бойкот всего графства. А вашего дядю, Балбеса, я слишком хорошо помню.

— Вообще-то вы правы...

— Не ангел. Даже не эльф. Я боюсь за Мартышку. Он ведь женится на его дочери. Боюсь и не завидую. Ну, вот и приехали!.. — сказал лорд Икенхем. — Выпьем, отдохнем. И Мартышка будет, он утром звонил. Переночует, а завтра собирается к вам, в Эшенден.

Граф легко спрыгнул на платформу, даже не подозревая, что он только что нанес другу ужасный удар. При словах «женится на его дочери» Билл Окшот издал тот самый звук, какой издает бульдог, если пнуть его в ребра, когда он ест баранью ногу; но лорд Икенхем подумал, что тот икнул.

Глава 2

Летний день сменился сумерками. Билл Окшот давно унес домой свое разбитое сердце, когда приехал Мартышка. Его задержала в пути одна из тех загадочных по-

ломок, которые нередко настигают двухместную машину. Он едва успел одеться к обеду и в восемь часов сидел в столовой напротив дяди, восстанавливая ткани после нелегкого дня.

Лорд Икенхем был ему рад, да и вообще гостеприимен, но при дворецком не хотел затрагивать личные темы. Поговорив о Нью-Йорке, где недавно побывал Мартышка, и об отъезде леди Икенхем, он сообщил, что встретил Билла Окшота, а племянник его отвечал, что надеется возобновить былую дружбу, посещая эшенденские уголья.

Поголковали они и о машинах, собаках, иностранных делах, будущих бегах и (эту тему включил Мартышка) о том, что делать, если обнаружишь в ванне труп, на котором — только гетры и пенсне.

Когда же подали кофе и сигары, лорд Икенхем раскрыл душу.

— Какое счастье, — начал он, — посидеть одним, без дворецких! Понимаешь в полной мере дивную строку: «Мир, совершенный мир, когда любимых нет». Нельзя сказать, что я люблю Коггза, скорее побаиваюсь, смягчая это чувство прохладной привязанностью. А тебе я рад, очень рад. Давно хотел кое-что обсудить.

— Да? — сдержанно отвечал Мартышка. Он был молод, приятен с виду, но внимательный наблюдатель заметил бы в нем ту строгость, ту напряженность, которая, вероятно, возникла у святого Антония перед нападением бесов. Мартышка подозревал, что сейчас начнутся искушения и стоять надо насмерть.

Еще за обедом, когда глава семьи говорил об отъезде супруги, он подметил в его глазах тот самый блеск, какой появляется у мальчика, если он дома один и знает, где ключ от буфета. Блеск этот он видел и раньше; им начинались самые крупные беды. Едва заметный вначале, за супом, теперь он разгорелся вовсю, и Мартышка собрал все силы.

— Сколько ты думаешь пробыть у Бостоков? — спросил граф.

— С неделю, — ответил племянник.

— А потом?

— Вернусь в Лондон.

— Прекрасно, — одобрил лорд Икенхем. — Вернешься в Лондон. Отлично. Я поеду с тобой, и мы проведем полезный, приятный день.

Мартышка сжался. Он не воскликнул: «Так я и знал!», но как бы и воскликнул. Оставшись без заботливой жены, Фредерик Алтамонт Корнуоллис, пятый граф Икенхемский, снова принялся за свое.

— Ты спрашиваешь, — сказал когда-то один вдумчивый «трутень», — почему при словах «дядя Фред» Мартышка синее и выпивает два виски кряду. Я объясню. Дело в том, что этот дядя — истинный динамит. Он немолод, но при случае становится таким, каким себя чувствует, то есть лет двадцати с небольшим. Не знаю, знакомо ли тебе слово «экспессы». Если знакомо, примени к нему, не ошибешься. Пусть Мартышка расскажет, например, про собачьи бега.

Если бы лорд Икенхем его слышал, он бы первым признал, как это верно. Клонясь к закату, он сохранил стройность, живость и чистоту подвыпившего студента. За последние годы он не раз втягивал племянника в приятнейшие авантюры, самой удачной из которых были именно собачьи бега, хотя, по его мнению, полисмен поумнее ограничился бы мягким укором.

— Вероятно, ты понял из моих слов, — продолжал пятый граф, — что тетя Джейн уехала на несколько недель и я невыносимо страдаю. Точь-в-точь этот тип, который места себе не находил без любимой газели. Однако...

— Дядя... — вставил Мартышка.

— Однако, — сказал дядя, — у любой тучи, если взглядеться, есть серебряная каемка. В данном случае утешает то, что я снова сам себе хозяин. Трудно передать, как я люблю тетю Джейн, но иногда... какое бы тут выбрать слово?.. я скован при ней, не могу себя выразить. Она считает, что мне не надо ездить в Лондон. Я так не считаю. Когда живешь в сельском склепе — ржавеешь, отстаешь от жизни. Не уверен, что я назову тебе хоть одного вышибалу, а я их знал поголовно. Вот почему...

— Дядя!..

— Вот почему, несмотря на страдания, я могу пережить ее отъезд. Сообщи, когда соберешься в Лондон, —